

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Батыров Валерий Владимирович

канд. ист. наук, заведующий отделом

ФГБУН «Калмыцкий институт

гуманитарных исследований РАН»

г. Элиста, Калмыцкая Республика

Команджаев Евгений Александрович

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»

г. Элиста, Калмыцкая Республика

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ОСНОВ БУДДИЙСКОЙ ВЕРЫ

В АСТРАХАНСКОМ КАЛМЫЦКОМ УЧИЛИЩЕ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Аннотация: статья посвящена вопросам истории преподавания основ буддийской веры в Астраханском калмыцком училище с 1848 по 1892 гг. Авторы отмечают, что наставление воспитанников основам буддийской веры производилось одним из калмыцких буддийских священнослужителей, как наиболее квалифицированным специалистом. Введение основ буддизма в состав учебных предметов, изучаемых в училище, является одной из первых попыток преподавания буддийской религии в XIX в. и большим шагом на пути становления национального образования.

Ключевые слова: основы буддийской веры, Астраханское калмыцкое училище, история Калмыкии, история образования, буддизм.

Статья подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII–начале XX века: проблемы интеграции в общероссийскую систему» (КалмГУ, код проекта №2641).

В современной общественной жизни России религия оценивается как исторически закономерный институт, который играет значительную роль в жизни человека, утверждая приоритет духовности над экономическими и иными ценностями. В связи с этим укрепляется взгляд на религию как на социокультурный феномен, изучение которого должно стать предметом как социологической науки, так и гуманитарного образования. В последнее время наблюдается усиление сотрудничества традиционных российских конфессий и государства в области духовно-нравственного воспитания, что привело к разработке новых учебных программ, обеспечивающих духовно-нравственные компоненты в содержании образования [Марзаева 2012: 827].

В данной статье мы рассмотрим первый опыт введения религиозного образования в системе образования Калмыкии. Следует отметить, что с давних времен обучение основам буддийской веры было прерогативой исключительно буддийской церкви, когда при калмыцких хурулах создавались школы, где детей обучали гелюнги (буддийские священнослужители) [Лиджеева 2012: 152]. Такие хурульные школы до середины XIX в. были единственными светскими образовательными учреждениями в Калмыкии. Лишь в 1822 г. Калмыцкую степь посетил действительный тайный советник К.В. Нессельроде, который высказал свои первые соображения в Министерстве народного просвещения по поводу организации светских школ для калмыков. Примечательно, что он предлагал ограничиться созданием калмыцких классов при Астраханской гимназии, поскольку открытие отдельного калмыцкого училища он считал нецелесообразным ввиду кочевого образа быта калмыков [Позднеев 1889: 2].

После закрытия в 1836 г. Медицинской школы в Санкт-Петербурге, которая готовила переводчиков калмыцкого языка, возникла идея создания калмыцкого училища. Ученый А. Курапов указывал, что проект создания калмыцкого училища в Астрахани в ноябре 1836 г. подготовили астраханский губернатор И.С. Тимирязев и Совет управления Калмыцкого народа [Курапов 2011: 207]. Надо упомянуть, что по планам губернатора в штат училища предполагалось ввести преподавателя буддийского вероисповедания, которым должен был стать гелюнг из Ламайского

духовного правления (Ламайское духовноеправление – орган государственного управления по делам буддийской церкви в Калмыцкой степи, под руководством Ламы калмыцкого народа. Существовало с 28 октября 1836 г. по 1 октября 1848 г.), по назначению Ламы калмыцкого народа. По мнению А. Курапова, предложенный вариант в значительной степени отличался от общей религиозной политики правительства России по отношению к буддизму вообще и к калмыцкому буддизму в частности. Такое отношение к вопросам религиозной политики со стороны губернатора вызвало ряд критических замечаний по отношению к проекту устава чиновниками Министерства народного просвещения. Чиновники посчитали возможность введения в перечень учебных предметов буддийского вероучения как опасный нонсенс, а потому участие буддийского священнослужителя предлагалось ограничить только проведением обрядов [Курапов 2011: 208].

В результате развязавшейся межведомственной переписки был подготовлен новый проект устава, разработанный главным попечителем калмыцкого народа к 1 ноября 1841 г. Данный проект стал в дальнейшем правовой основой для открытия калмыцкого училища в Астрахани. Пять параграфов устава оговаривали участие в учебном и воспитательном процессе гелюнга. Он дополнял штат вспомогательного персонала, являясь комнатным надзирателем и помощником преподавателя училища, обязательным требованием было знание русского языка. Функции же гелюнга, как преподавателя сводились к обучению детей калмыцкому языку [Курапов 2011: 210–211].

Окончательно, преподавание основ буддийской веры было закреплено в «Положении об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г., несмотря на сопротивление чиновников Министерства народного просвещения. По этому Положению для распространения между калмыками русского языка и «приуго-товления способных переводчиков и толмачей» при Астраханской палате государственных имуществ (Далее АПГИ) должно было быть открыто училище, в список учебных предметов которого включалось преподавание основ буддизма. Для этого один из буддийских священнослужителей должен был по направле-

нию Ламы калмыцкого народа приглашаться в училище «для наставления воспитанников правилам Буддийской веры» в праздничные дни по буддийскому вероисповеданию [ПСЗ РИ 1848: 372–373].

6 декабря 1848 г. в г. Астрахани было открыто Калмыцкое училище на 50 воспитанников [Сартикова 2011: 98]. Последующие мероприятия по организации учебного процесса и укреплению материальной базы отложили на время вопрос преподавания основ буддийской веры в училище. Но, спустя год, 8 ноября 1849 г. на имя Ламы Калмыцкого народа поступило отношение из Астраханской палаты государственных имуществ, в котором указывалось, что «По пункту №8 положения об училище детей калмыков постановлено: для наставления воспитанников правилами Буддийской веры приглашать в праздничные по буддийскому вероисповеданию дни одного из духовных чинов, состоящих при Вас». Вследствие этого АПГИ просило Ламу калмыцкого народа назначить по своему по усмотрению «сведущаго и благонадежнаго гелюнга из ближайшего к Астрахани хурула на Калмыцком Базаре находящагося» и уведомить АПГИ о своем выборе [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 2–3].

При этом чиновники АПГИ отдельно указывали, что назначенный гелюнг должен был посещать училище «в праздничные Дни, положенные по Буддийскому вероисповеданию неуклонно» и каждый праздник «посещал Училище и преподавал правила веры». А также указывалось, что за посещение училища гелюнгу не полагалась никакого вознаграждения, потому, что он не включался в штатное расписание. То есть, по сути гелюнг должен был читать лекции и отправлять буддийские обряды на бесплатной основе. Чтобы не тратить много времени на дорогу предписывалось назначить ламу из ближайшего к Астрахани Калмбазаринского хурула [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 3]. Однако, Лама калмыцкого народа решил иначе и 4 декабря 1849 г. предписал хошеутовскому Бакше назначить гелюнга из «Аршин Бакши хурула или Бакшин Хурула» [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 3 об.].

Длительное молчание Ламы калмыцкого народа вынудило чиновников АПГИ 17 декабря 1849 г. отписать Ламе Калмыцкаго народа с повторной просьбой о выполнении отношения от 8 ноября для назначения гелюнга в училище детей калмыков, для преподавания «правил Буддийской веры» [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 4 об.]. Столь долгое молчание Ламы калмыцкого народа было связано с тем, что калмыцкие священнослужители категорически отказывались заниматься преподаванием в калмыцком училище, не желая совершать длительные и неоплачиваемые поездки в г. Астрахань, особенно в дни калмыцких праздников, когда буддийские священнослужители имели возможность получать наибольшее количество пожертвований от верующих. Также не все калмыцкие гелюнги знали русский язык, не все из них могли вести занятия по основам буддийской веры, и наконец, не все из них желали менять свой привычный образ жизни. Назначение наставником в калмыцкое училище воспринималась калмыцкими священнослужителями как тягостная обязанность, которую они всячески старались избежать. Лама калмыцкого народа переложил все тяготы на плечи улусных Бакшей, которые в условиях всеобщего нежелания подбирали гелюнгов не пользовавшихся большим авторитетом в хурулах (самых молодых, или самых старых).

6 января 1850 г. Лама калмыцкого народа сообщил чиновникам АПГИ о том, что в училище для преподавания правил буддийской веры воспитанникам был назначен гелюнг Лузунг Джимбе. Однако, уже 28 февраля 1850 г. Лама калмыцкого народа получил письмо из АПГИ, в котором в резких тонах указывалось, что назначенный гелюнг требовал денежного содержания несмотря на то «по Высочайше утвержденному штату об училище детей Калмыков, гелюнгу, преподающему воспитанникам буддийское вероисповедание» не положено, а преподавание велось не весь год, а «во дни только калмыцких праздников, которые бывают редко». Также, гелюнг Лузунг Джимбе прилюдно позволял себе «входить в слишком свободные и неуместные суждения о распоряжениях правительства». Вследствие чего, писали чиновники АПГИ, гелюнг Лузунг Джимбе как

человек «обнаруживший строптивый характер и образ мыслей, не соответствующий с духовной кротостью, монашеству», а также по молодости лет, не может быть допущен к отправлению должности «Наставника юношества». А потому чиновники АПГИ просили Ламу калмыцкого народа найти другого гелюнга «в летах почтенных» и согласного жить по правилам училища [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 8–9].

Просьба назначить ламу более почтенного возраста была удовлетворена назначением гелюнга Балдан Шириба. Но второй наставник был в настолько «почтенных летах», что 28 марта 1851 г. АПГИ снова вступило в переписку с Ламой калмыцкого народа с просьбой назначении в училище детей нового наставника для преподавания «детям правил Ламайской веры», вместо умершего гелюнга Балдан Шириба [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 10-10 об.]. Теперь гелюнг-наставник для преподавания детям «правил буддийской веры», как сообщал Лама калмыцкого народа, должен был быть выбран бакшой Эркетевского улуса из его духовенства. Но, выбор Эркетеневского бакши был настолько неудачен, что 22 июня 1851 г. Лама калмыцкого народа донесением в АПГИ сообщил, что посланный из Эркетеневского улуса в училище для преподавания буддийских законов калмыцким детям гелюнг Генден «по неспособности к сей должности мною» был замещен другим [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 13].

Следует указать, что нежелание чиновников АПГИ понять корни причины отсутствия заинтересованности среди гелюнгов преподавать в калмыцком училище привела к тому, что буддийские священнослужители зачастую саботировали свое назначение наставником в училище. Доходило до того, что священнослужители могли прикрываться незнанием предмета или дерзостью. Из-за этого Лама калмыцкого народа был вынужден каждый раз назначать гелюнгов из разных улусов. Проблемы и организационные неурядицы преподавания основ буддийской веры отчасти сгладились лишь с течением времени. Так, наиболее наболевший вопрос о денежном вознаграждении за преподавание в училище отчасти решился, когда было принято негласное решение выплачивать эти суммы из улу-

сных средств того улуса из которого назначался гелюнг-наставник. Так, 21 сентября 1851 г. встречается упоминание о том, что гелюнгу Эркетеневского улуса Коме Кюкееву «наставнику обучающего калмыцких мальчиков» было выдано «тридцать рублей серебром» [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 14-14 об.].

В последние годы преподавания основ буддийской веры в калмыцком училище в среде буддийского духовенства пришло понимание целей создания калмыцкого училища. У части представителей калмыцкого духовенства даже возникла идея подготовки собственных кадров для буддийских хурулов на базе Астраханского калмыцкого училища. Так, 20 августа 1856 г. Лама калмыцкого народа сообщил, что гелюнг Яндыковского улуса Лузунг подал предложение статскому советнику Лошкареву о преподавании в калмыцком училище хурульного (т.е. тибетского) языка с целью подготовки калмыцких гелюнгов в Астраханском калмыцком училище. Для этого он просил назначить его постоянным наставником и включить его в штатное расписание [НАРК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 18–18 об.]. Понятно, что идея подготовки духовных кадров для буддийской церкви не вызвала энтузиазма в среде администрации Астраханской губернии и она так и осталась нереализованной. А в 1892 г. после отмены обязательных отношений в Калмыкии преподавание основ буддийской религии в училище и во все было прекращено [Ташников 1969: 36].

Таким образом, введение в список учебных предметов основ буддийской религии в Астраханском калмыцком училище является одной из первых попыток преподавания буддийской религии в XIX в. в светском образовательном учреждении. Касаясь не вполне гладкой истории развития истории преподавания основ буддийской веры в калмыцком училище надо отметить, что они были связаны с непониманием чиновниками АПГИ таких трудностей калмыцких гелюнгов, связанных с преподаванием в училище, как то: отсутствие материальной компенсации для гелюнга-наставника, бытовые неудобства наставников, которые должны были по несколько раз в год приезжать в училище. Также, необходимо отметить, что преподавание основ буддийской веры в Астраханском калмыцком училище являлось большим шагом на пути становления национального

образования. Положительное решение вопроса о введении буддийского образования в Астраханском калмыцком училище, не смотря на противодействие Министерства народного просвещения, позволило улучшить нравственное состояние воспитанников, развить межрелигиозный диалог и воспитать среди них толерантность.

Список литературы

1. Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК). Фонд 42. Опись 1. Дело 40 «Дело о назначении наставников из гелюнгов в Астраханское калмыцкое училище. 1849–1856». – 20 л.
2. Курапов А.А. Деятельность и предложения астраханского губернатора И.С. Тимирязева по реформированию религиозной жизни калмыков в 1830–1840-е гг. / А.А. Курпанов // Вестник архивиста. –2011. – №4. – С. 204–216.
3. Лиджеева К.Ф. Влияние буддийского и мусульманского духовенства на просвещение народов национальных районов юга России в конце XIX–начале XX в. / К.Ф. Лиджеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №4-2 (76). – С. 151–153.
4. Марзаева М.Б. О преподавании курса основ буддизма в школах Калмыкии / М.Б. Марзаева // Буддизм Ваджраяны в России: От контактов к взаимодействию. – М.: Алмазный путь, 2012. – С. 827–833.
5. Позднеев А.М. Записка о преобразовании учебной частью у калмыков Астраханской губернии / А.М. Позднеев. – СПб.: Типография и литография Л. Бермана и Г. Рабиновича. – 1889. – №7. – 72 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. Т. XXII. Отделение первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. – 1848. – 758 с.
7. Сартикова Е.В. Учительские кадры в Калмыцкой степи в начале XX в. / Е.В. Сартикова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2011. – №1 (75). – С. 97–100.
8. Ташников Н.Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР / Н.Ш. Ташников. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – 214 с.